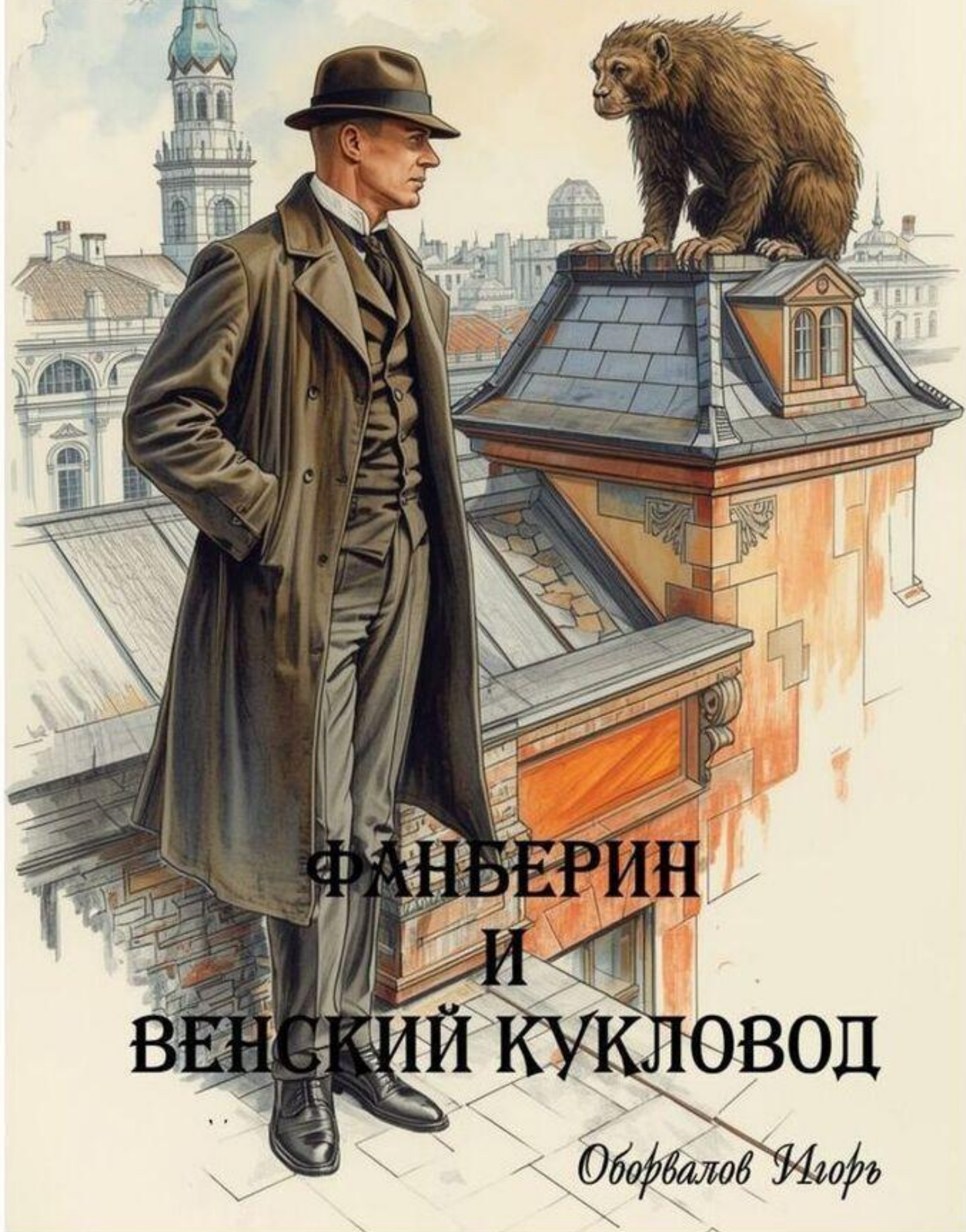

12+ Книга третья

ИЗ СЕРИИ - ДЕТЕКТИВ ФАНБЕРИН

**ФАНБЕРИН
И
ВЕНСКИЙ КУКЛОВОД**

Оборвалов Игорь

Игорь Оборвалов

Фанберин и Венский кукловод

«Издательские решения»

Оборвалов И.

Фанберин и Венский кукловод / И. Оборвалов — «Издательские решения»,

Вена, 1885 год. Сыщик Фанберин расследует серию таинственных исчезновений людей, на месте которых находят фарфоровых кукол, умеющих смеяться по ночам. За событиями стоит таинственный кукловод — возможно, ученик безумного гения Штауба. Фанберин сталкивается с жуткой мастерской, живыми куклами и угрозой превращения собственной невесты в механическую копию. Финал приводит в Москву и Петербург, где сыщику предстоит понять: иногда враг оказывается ближе, чем кажется.

© Оборвалов И.

© Издательские решения

Содержание

Фанберин и Венский кукловод	6
Часть первая. Кукла, которая смеялась	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Фанберин и Венский кукловод

Игорь Оборвалов

© Игорь Оборвалов, 2026

ISBN 978-5-0070-0803-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фанберин и Венский кукловод

Часть первая. Кукла, которая смеялась

Глава 1

Март 1885 года выдался в Москве на редкость мерзким. Не в смысле морозов — морозы кончились ещё в феврале, — а в смысле распутицы, слякоти и того особенного всепроникающего холода, который не греет ни шуба, ни печь, ни даже объятия любимой женщины.

Фёдор Иванович Фанберин сидел в своём кабинете на Пречистенке, пил чай с бергамотом и читал «Московские ведомости». На столе, свернувшись калачиком, спал кот Бальмонт — чёрный, с белым пятном на груди, похожий на маленькую пушку с лапами. Рядом, в кресле, Анна Львовна вышивала гладью — занятие, которым она увлеклась после той страшной ночи в особняке на Каменном острове.

— Федя, — сказала она, не поднимая головы, — ты сегодня какой-то нервный. Третью газету перечитываешь подряд.

— Жду письма, — ответил Фанберин. — Из Вены.

— Из Вены? От кого?

— От одного старого знакомого. Он обещал написать, если что-то случится.

— Что может случиться в Вене?

Фанберин отложил газету, снял пенсне, протёр стёкла.

— В Вене, — сказал он, — пропадают люди. Не просто пропадают — исчезают в собственных домах, при запертых дверях. За последние полгода — тридцать два случая. Полиция в растерянности. Газеты пишут о «кукольном демоне».

— Кукольный демон? — Анна Львовна отложила вышивку. — Это как-то связано со Штаубом?

— Не знаю, — честно ответил Фанберин. — Но техника исчезновений напоминает его методы. Запертые комнаты, отсутствие следов взлома, свидетели, которые видели «странные тени». И одна деталь: на месте каждого исчезновения находят маленькую куклу. Фарфоровую. С глазами, которые смотрят прямо на тебя.

— Боже, — прошептала Анна Львовна. — Ты думаешь, он вернулся?

— Он никогда не уходил, — сказал Фанберин. — Он только ждал. Как паук в своей сети.

Кот Бальмонт открыл один глаз, посмотрел на Фанберина, потом на дверь — и зашипел. Не так, как шипят коты, когда их дразнят, а так, как шипят звери перед землетрясением.

— Что с ним? — спросила Анна Львовна.

— Не знаю, — ответил Фанберин. Но встал и подошёл к дверям.

В дверь постучали.

Фанберин открыл. На пороге стоял посыльный — мальчишка в синей фуражке, с бляхой на груди.

— Вам телеграмма, ваше высокоблагородие. Из Вены.

Фанберин взял телеграмму, расписался, закрыл дверь. Развернул:

«*Fandorin. Kommen Sie sofort. Wien, Hofburg, Zimmer 117. Die Puppen lachen. — К.*»

«Фанберин. Приезжайте немедленно. Вена, Хофбург, комната 117. Куклы смеются. — К.»

— Кто этот «К.»? — спросила Анна Львовна, заглядывая через плечо.

— Если бы я знал, — ответил Фанберин. — Но телеграмма пришла из императорского дворца. Хофбург — резиденция Габсбургов. Значит, дело серьёзное.

— Ты поедешь?

— Поеду, — сказал Фанберин. — Но сначала напишу ответ.

Он сел за стол, взял перо:
«*Еду. Будьте на вокзале. Фанберин*»
Отправил и начал собираться.

Дорога в Вену заняла двое суток. Фанберин ехал один — Анна Львовна осталась в Москве, Такаси уехал в Японию навестить родственников, Шишкин был в командировке в Одессе. Фанберин чувствовал себя голым — без союзников, без поддержки, один на один с неизвестностью.

В Вену он прибыл утром 15 марта. Вокзал был огромным, сверкающим, с металлическими фермами под потолком и запахом кофе и круассанов. Фанберин вышел на перрон — и сразу увидел встречающего.

Это была женщина. Лет тридцати, в чёрном платье, с лицом, которое Фанберин знал очень хорошо.

— Эльза? — удивился он. — Вы здесь?

— Я теперь здесь, — ответила Эльза фон Штерн, механик из Берлина. — Работаю советником при императорском дворе по техническим вопросам. Меня пригласил эрцгерцог Карл Людвиг. Он интересуется новыми технологиями.

— И куклами? — спросил Фанберин.

— И куклами, — кивнула Эльза. — Пойдёмте. Экипаж ждёт. В Хофбурге вас уже заждались.

Она взяла его под руку и повела к выходу. Фанберин оглянулся на вокзал — и на секунду ему показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо. Седая борода, умные глаза, механическая улыбка.

— Что-то не так? — спросила Эльза.

— Ничего, — ответил Фанберин. — Показалось.

Но он знал: не показалось. Кто-то, использующий методы Штауба, был здесь. В Вене. И куклы, которые смеялись, были чьим-то злым умыслом.

Глава 2

Хофбург — императорский дворец в центре Вены — поражал величием. Мрамор, золото, хрусталь. Картины старых мастеров на стенах, статуи античных богов в нишах, ковры, в которых утопали ноги. Фанберин чувствовал себя мухой, залетевшей в шкатулку с драгоценностями: красиво, но душно.

— Комната 117, — сказала Эльза, когда они поднялись на третий этаж. — Кабинет эрцгерцога Карла Людвиг.

— Почему такая комната? 117 — это не просто число?

— В здании ходят слухи, — тихо сказала Эльза. — Говорят, что в этой комнате по ночам слышен смех. Детский. Как будто смеются куклы.

Фанберин усмехнулся.

— Я слышал много страшных историй, — сказал он. — Обычно за ними стоит либо выпивший сторож, либо сквозняк.

— Откройте дверь, — сказала Эльза. — И убедитесь сами.

Фанберин открыл дверь.

Кабинет был огромным — с высокими окнами, выходящими на дворцовый сад, с дубовым столом, заставленным бумагами, и с камином, в котором горел огонь. Но не это привлекло внимание Фанберина.

Вдоль стен, на полках, стояли куклы. Десятки, сотни кукол. Фарфоровых, восковых, деревянных. Младенцы, дети, взрослые. Одеты в старинные платья, мундиры, кружева. У всех были одинаковые глаза — голубые, стеклянные, с расширенными зрачками.

— Нравится? — раздался голос из глубины кабинета.

Из-за стола поднялся человек. Невысокий, полный, с бакенбардами и в очках. Эрцгерцог Карл Людвиг — брат императора Франца Иосифа.

— Ваше императорское высочество, — сказал Фанберин, кланяясь.

— Бросьте церемонии, — махнул рукой эрцгерцог. — Садитесь. Рассказывайте, что вы знаете о куклах.

— Ничего, — честно ответил Фанберин. — Я только что приехал. И пока не видел ничего, кроме вашей коллекции.

— Коллекция, — эрцгерцог горько усмехнулся. — Это не коллекция. Это улики. Все эти куклы — копии пропавших людей. Их находят на месте исчезновений. Смотрите.

Он подошёл к полке, взял одну куклу — фарфоровую, в платье горничной. Перевернул. На спине была выгравирована надпись:

«Anna Schmidt, 1848—1884. Verschwunden am 12. November. Die Puppe lacht.»

— Анна Шмидт, — перевёл эрцгерцог. — Исчезла 12 ноября. Кукла смеётся.

— Что значит «смеётся»?

Эрцгерцог повернул голову куклы. Та открыла рот — и из динамика, встроенного в горло, раздался смех. Высокий, детский, леденящий душу.

— Мы не можем это выключить, — сказал эрцгерцог. — Кукла смеётся сама. По ночам. Всю ночь.

Фанберин взял куклу в руки. Она была тёплой. Как живая.

— Где сейчас Анна Шмидт? — спросил он.

— Никто не знает, — ответил эрцгерцог. — Она вышла из дома в магазин и не вернулась. Дверь была заперта изнутри. В спальне нашли эту куклу. И больше — ничего.

— А другие?

— То же самое. Тридцать два человека. Мужчины, женщины, дети. Исчезают в запертых комнатах. Находят кукол. Куклы смеются.

Фанберин положил куклу на место.

— Почему вы позвали меня? — спросил он. — В Вене есть своя полиция. Есть сыскное бюро.

— Венская полиция — идиоты, — сказал эрцгерцог. — Они думают, что это массовая истерия. Или сектанты. Они не понимают, что это — техника. Кто-то создаёт этих кукол. Кто-то заставляет их смеяться. Кто-то похищает людей. И этот кто-то — гений. Или безумец. Или и то и другое.

— Штауб? — спросил Фанберин. — Или его ученик?

— Я не знаю, — ответил эрцгерцог. — Но вы знаете. Вы с ним встречались.

— Встречался, — сухо ответил Фанберин. — Дважды. Оба раза он уходил. В третий раз — не уйдёт.

— Вы уверены?

— Уверен, — сказал Фанберин. — Потому что я его найду. Даже если для этого придётся перерывать всю Вену.

Эрцгерцог посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы мне нравитесь, Фанберин, — сказал он. — Вы говорите как человек дела. Что вам нужно для начала?

— Разрешение на доступ к местам преступлений. Допрос свидетелей. И связь с венской полицией — через вас. Я не хочу иметь с ними дела напрямую.

— Хорошо, — кивнул эрцгерцог. — Я дам вам человека. Моего личного секретаря, графа фон Траутмансдорфа. Он будет вашим связным. И ещё — вот.

Он протянул Фанберину маленький золотой ключ.

— Что это?

— Ключ от комнаты 117. Теперь она ваша. Живите здесь. Работайте здесь. Куклы — ваши. Если сможете заставить их замолчать — я буду благодарен.

Фанберин взял ключ.

— Постараюсь, — сказал он.

Ночь Фанберин провёл в комнате 117. Куклы молчали до полуночи. А ровно в двенадцать — засмеялись. Все сразу. Сотнями голосов.

Фанберин не спал. Сидел у камина, курил и слушал. В этом смехе было что-то неестественное — не человеческое, не механическое, а какое-то пограничное, от которого стыла кровь.

Он подошёл к полке, взял куклу Анны Шмидт. В её стеклянных глазах отражался огонь камина.

— Кто ты? — спросил он.

Кукла замолчала. Только смеялись другие.

Фанберин поставил её на место и вернулся к камину.

— Кто бы ты ни был, — сказал он. — Я знаю, что ты здесь. Я знаю, что ты слышишь. И я знаю, что ты боишься. Потому что я — единственный, кто смог остановить Штауба. И я остановлю и тебя.

Смех прекратился. В комнате стало тихо.

И в этой тишине Фанберин услышал шёпот. Тонкий, как паутина:

— *Игра продолжается, Фанберин.*

Он резко обернулся. Никого.

Только куклы. Сотни кукол с одинаковыми улыбками.

Глава 3

На следующее утро Фанберин проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза — над ним стоял молодой человек во фраке, с моноклем в глазу и с выражением вежливого превосходства на лице.

— Граф фон Траутмансдорф, — представился молодой человек. — Личный секретарь его императорского высочества. Мне поручено сопровождать вас в поездках по городу и помогать в расследовании.

— Очень приятно, — сказал Фанберин, садясь. — А который час?

— Восемь утра. У вас сегодня встреча с директором венской полиции в десять. Потом — осмотр места последнего исчезновения. А вечером — опера. Эрцгерцог приглашает вас в свою ложу.

— Опера? — удивился Фанберин. — Я здесь для расследования, а не для развлечений.

— Эрцгерцог считает, что убийца может быть в театре, — сказал граф. — Все исчезновения происходили по ночам, в дни оперных премьер. Возможно, это совпадение. Возможно — нет.

Фанберин задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Я пойду в оперу. Но сначала — полиция.

Директор венской полиции, господин Риттер, оказался толстым, краснолицым и очень недовольным тем, что русский сыщик суёт нос в австрийские дела.

— Господин Фанберин, — сказал он, — я не понимаю, зачем эрцгерцог пригласил вас. У нас есть свои специалисты. Мы раскроем это дело без вашей помощи.

— Уже полгода не раскрыли, — заметил Фанберин. — А люди продолжают исчезать.

— Это вопрос времени, — отрезал Риттер. — Мы близки к разгадке.

— Тогда назовите мне хотя бы одну фамилию подозреваемого.

Риттер побагровел.

— Это секретная информация. Я не могу её разглашать.

— Понятно, — сказал Фанберин. — Тогда я буду работать самостоятельно. До свидания. Он вышел из кабинета. Граф последовал за ним.

— Вы были резки, — заметил граф.

— Правда всегда резка, — ответил Фанберин. — Особенно когда её не хотят слышать.

Место последнего исчезновения — квартира на Шоттенгассе, дом 24, третий этаж. Исчезла фрейлейн Мария Терезия Хофман, 24 лет, гувернантка в богатой семье. Ушла в спальню в одиннадцать вечера, заперла дверь. Утром дверь была заперта изнутри, но фрейлейн в комнате не было. На кровати лежала кукла — точная копия Марии Терезии, в той же ночной рубашке, с теми же голубыми глазами.

— Кукла смеётся? — спросил Фанберин, осматривая комнату.

— По ночам — да, — ответил граф. — Днём — молчит.

Фанберин взял куклу. Та была тёплой. Как всегда.

— Здесь есть подвал? — спросил он. — Чердак? Соседние квартиры?

— Всё проверено. Никаких следов. Ни тайных ходов, ни верёвок, ни люков. Девушка исчезла, как сквозь землю провалилась.

Фанберин подошёл к окну. Окно выходило во двор — глухой колодец, стены без выступов.

— Заперто? — спросил он.

— Заперто. Изнутри.

— Значит, не окно.

Он прошёлся по комнате. Остановился у стены, где висело зеркало. Снял его. За зеркалом была стена — кирпичная, старая.

— Здесь когда-нибудь была дверь? — спросил он.

— Не знаю, — сказал граф. — Нужно спросить у домовладельца.

— Спросите. И принесите мне план здания. Старый. За сто лет.

Граф поклонился и вышел.

Фанберин остался один в комнате. С куклой. Которая, как ему показалось, смотрела на него своими стеклянными глазами.

— Ты что-то знаешь, — сказал он кукле. — Но ты не скажешь. Потому что ты — только кукла.

Кукла молчала. Но Фанберину почудилось, что её губы дрогнули в улыбке.

Венская опера вечером была прекрасна. Золото, бархат, хрустальные люстры. Дамы в бриллиантах, мужчины во фраках. Фанберин чувствовал себя чужим в своём поношенном сюртуке, но эрцгерцогская ложа была выше таких мелочей.

В ложе, кроме эрцгерцога, сидела женщина. Молодая, красивая, в платье цвета слоновой кости, с бриллиантовым ожерельем на шее. Чёрные волосы, зелёные глаза, тонкие брови. Фанберин почувствовал, как сердце ёкнуло — не от любви, а от узнавания.

— Графиня Елизавета фон Шёнборн, — представил эрцгерцог. — Моя дальняя родственница. Она интересуется вашим расследованием.

— Очень приятно, — сказал Фанберин, кланяясь.

— Господин Фанберин, — сказала графиня с лёгким венгерским акцентом. — Я слышала о вас. Вы тот самый русский сыщик, который ловил берлинского автоматона?

— Тот самый, — сухо ответил Фанберин.

— И вы поймали его?

— Дважды. В третий раз — поймаю.

Графиня улыбнулась. Улыбка была красивой — но в ней было что-то механическое, как у кукол.

— Я надеюсь, что вы поймаете и нашего венского кукловода, — сказала она. — Иначе мы все станем куклами.

Фанберин хотел спросить, что она имеет в виду, но в этот момент погас свет. Заиграла увертюра. Опера началась.

В антракте Фанберин вышел в фойе. Курил, смотрел на публику. И вдруг увидел его. Человека, похожего на Штауба.

Он стоял у колонны, в чёрном сюртуке, с седой бородкой. Смотрел прямо на Фанберина. Улыбался.

Фанберин бросился вперёд, расталкивая публику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.